

Виктор Ерофеев Убиваем завтра, едим вчера Зимние заметки о летней езде на край света

Соблазн сравнения

КАК всякому русскому, мне нравится подсчитывать потери. История России этому потакает. Она состоит из захвата земель и невозможности ими управлять, из камуфляжа бесчисленных жертв... Теперь понятно, почему я оказался на арктических островах Берингова пролива? Что мы там потеряли?

Но я не просто отправился потонуть русским духом. 25 000 лет назад на месте Берингова пролива был перешеек. Эскимосы перешли из Азии в Америку, не замочившись. Перешеек ушел под воду, от него остались два острова. Их отделяют всего две с лишним мили. При продаже Аляски Большой Диомид сохранился за русскими; Малый Диомид стал американским. Два эскимосских острова в цепких руках сверхдержав. Соблазн сравнения! Так думал я, воспаленный идеей, что между островами-близнецами - самая резкая граница времени в мире. Если на американском острове - полдень в понедельник, на русском - вторник, 9 утра. "Мы идем охотиться сегодня, - говорили американские эскимосы, традиционно ходившие в русские воды бить морского зверя. - Мы убиваем завтра. А вчера мы, разделав мясо, едим его". Значное место для юбилея. Гуляй без продыху два дня, сгребя в охапку Восток и Запад!.. Вот только климат: равнодушная природа то слепнет в тумане, то принудительно скачет под Бор?ей. По словам французского анатома морей Жака Кусто, добраться до этих островов - одно из самых опасных путешествий на свете. Пролив затоварен айсбергами даже летом. Там каждый год гибнут авантюристы, мечтающие посмотреть, где целуются завтра с сегодня.

У меня разыгралось воображение. Но я уперся в русское воздушное "бездорожье". Лететь из Москвы на Чукотку и дальше на русский остров - пустая затея. С островом нет регулярного сообщения. За чартерный рейс вертолета Чукотские авиалинии запросили с меня 5000 долларов. Проще через Америку. С ней всегда договоришься, если заявить себя путешественником с прозрачными целями... Я улетел из главного города Аляски, Анкориджа, на северо-запад, на побережье Берингова пролива в мифический Ном - место золотой лихорадки начала XX века. Поселок на сваях, воткнутых в коричневую жижу приморской тундры. Бесконечное полярное солнце, предлагающее свою ласку даже в два часа ночи, освещает разгром. По окраинам разброшены, как игрушки выросшего ребенка, допотопные паровозы, грузовики - "последний поезд в никуда" золотых пионеров.

На пляже, где ветер похож на острый нож, веселые придурки из разных штатов по-прежнему моют в тазах каменистый грунт в поисках буксующей мечты. Они всунули мне таз почти насильно - своего рода совращение. На дне таза, когда руки окоченели от ледяной воды, я нашел две крупинки золота и огляделся: глубоко-синий горизонт был сплюснен, как в смелом ракурсе Эйзенштейна. Носились по бездорожью на битых джипах, не пристегнувшись, с сигаретами в зубах белые американцы, своим поведением бросающие вызов Америке, помешанной на безопасности и ненависти к курению. Одного из них звали Джим Стимпфл.

Бес Достоевского

В НОЯБРЬСКИЙ день 1986 г., когда Джим жег мусор возле своей дачи на берегу пролива и ветер погнал дым в сторону Чукотки, он подумал: "Как там они? В газетах пишут: у русских перемены". Номский председатель торговой палаты и знать не знал, как далеко унесут его эти случайные мысли.

Тринадцать лет спустя, обедая с Джимом на той же дощатой даче, я выслушал рассказ о его отчаянных попытках найти общий язык с русскими соседями по проливу. Бритый, очкастый Джим представлял собой тот счастливый тип 50-летнего мужчины, у которого все еще впереди. Он объявил свое кредо в отношении русских: мир, дружба, секс! - Почему секс? - "Только ни слова моей жене Берни - она эскимоска и очень ревнует! Мы в Америке потеряли представление о женственности. А как я первый раз приехал на Чукотку - Боже! У женщин накрашены губы, туфли на каблуках. Каждую сразу захотелось пригласить на танец! Но это шутка, - прервал он себя. - Именно Берни вдохновила меня, рассказав о мытарствах разделенных соплеменников".

В 1987 г. Джим стал инициатором письма добрых намерений мэру ближайшего от Аляски поселка Провидения Олегу Кулинкину. Мэр ответил: "Будем друзьями". Джим размножил копии его письма, звонил в Белый дом, в российское посольство, губернатору Аляски. Все решили, что в выпускника Вирджинского университета, мечтавшего быть дипломатом, а ставшего маклером, вселился "бес Достоевского" и он рехнулся.

Джим бился о "берлинскую стену" Заполярья, стремясь воссоединить эскимосские семьи. Эскимосы свободно общались даже в 1937 г., когда все прочие границы СССР были закрыты. Но уже на следующий год Советы вынудили США подписать соглашение, по которому лишь американские эскимосы могли ездить в Россию сроком до трех месяцев. Во время войны граница тогдашних союзников приоткрылась, и советские летчики совершили 7000 перелетов через пролив за помощью по ленд-лизу. С наступлением холодной войны МИД СССР, по рекомендации Суслова, в мае 1948 г. уведомил Госдеп, что право на пересечение границы коренным населением прекращено.

"Но даже при железном занавесе, - сказал мне Виктор Голдсберри, эрудит и хозяин сувенирного магазина в Номе, узнав о моей цели сравнить жизнь на разделенных островах Диомидов, - случались необыкновенные истории". Так, в 70-е годы разыгралась полярная версия Ромео и Джульетты. Эскимоска Марта Озенна с американского острова влюбилась в солдата советского гарнизона. Он тайно ходил к ней по льду. Ее родители решили познакомиться с солдатом. В гостях он напился и обменял обмундирование на американские унты и меховую парку. Солдата на снегоходе довели до русского поста; он, как бревно, свалился в снег. Что стало с ним - неизвестно. Говорят, с тех пор на Малом Диомиде запрещена торговля спиртным.

Эскимосов травили, по мнению Голдсберри, обе страны, но по-разному. Одни считали шаманов "классовыми врагами", другие - "злом, несовместимым с христианством". Впрочем, в своих попытках растворить эскимосов в общенациональной среде русские по обыкновению проявили куда больше "наплевательства", чем американцы, отчего на русской стороне до сих пор сохранилась более богатая живая культура эскимосов: вышивка, резьба по кости, сказки.

13 августа 1987 г. произошло событие, потрясшее воображение эскимосов. Они впервые увидели, чтобы в Арктике кто-то плыл. Американская пловчиха Линда Кокс переплыла пролив между Малым и Большим Диомидом. "Это были годы надежды, - сказал Джим о времени перестройки. - Мне удалось организовать первый официальный перелет самолета Alaska airlines на Чукотку. На борту было около 30 эскимосов. Советские родственники встретили их слезами счастья и танцами с бубнами". В Номе подготовились к соседям: магазины стали принимать рубли. "Возник даже огромный проект туннеля под Беринговым проливом, - добавил Джим. - Это наше будущее!"

- Угощайтесь: фирменный эскимосский салат из листиков с тюленьим жиром. - Жена Джима положила мне салат и кусок вяленого тюленя.

Я попробовал тюленя - так себе. Подцепил вилкой эскимосские "овощи" и отправил в рот. Я оглох, ослеп, задохнулся. Тюлений жир связал язык. Ну не готов я к эскимосской жизни.

В речах Джима многое звучало в прошедшем времени. После прилива чувств наступило охлаждение. Если в начале 90-х годов 40 самолетов аляскинской Bering air летали каждый месяц на Чукотку, теперь летает один. Облом.

Русско-американская борьба полов

СРАВНИВАТЬ сегодняшнее положение дел на Чукотке и Аляске так же бессмысленно, как провести футбольный матч между командой дворовых хулиганов и сборной страны. Но основная болезнь русско-американских отношений не в политической конфронтации, а в столкновении двух упорно

отказывающихся понимать друг друга ментальностей. Несовместимость Чукотки с Аляской - метафора общего кризиса.

"С русскими трудно общаться, - пожаловалась мне главный редактор газеты "The Nome Nugget" ("Номский слиток") Нэнси Макбюир. - Они требуют, чтобы вы с ними пили водку, и так много курят, что приходится после них всю одежду отправлять в стиральную машину". По-американски полная, отекающая, но со свежим по-северному лицом, Нэнси явно противница сближения с Россией. Ее отпугивает непонятная культура, где успех взят под подозрение.

Контакты между Западом и Россией за последние десять лет принесли миру немало разочарований. На Западе казалось, что все проблемы упираются в коммунизм. Однако русский коммунизм был во многом лишь продолжением вывернутых наизнанку консервативных общинных традиций, враждебных западному индивидуализму. Диалог антиподов, думал я, слушая Нэнси. Непонимание - раздражение - озлобление. Вот если бы обе стороны признали, что они - невнеменно "разные", и в духе фильмов об инопланетянах вникли бы в отличительные черты "другого". Но нет ни инопланетной дистанции, ни терпения. Обе большие нации слишком самоуверенны. Им мерещится, что их базовые ценности лучше всех.

Война ментальностей идет и в самом Номе. Сладкотелая Саша Т., воспитательница в номском детском саду, побывала замужем за американским коммерсантом, открывшим магазин в ее родном поселке Провиденция: "Вы не представляете себе, как трудно жить русской с американцем! Каждый в семье складывает деньги в свой кошелек, скрывает заработки. Так в России не поступают. Он у меня даже деньги за бензин брал, когда куда-нибудь вез! Как после этого с ним ложиться в постель? А он выпьет пива и - в бар, с эскимосками целоваться. Они - доступные... Американцы только на людях скалят зубы, у них все пісе, а дома - он и посудой бросался, и в живот бил. Я сбежала от его издевательств".

Русские исповедуются с отчаянной легкостью, словно раздеваются на публике. Саша - из женщин русских романов. К ним тянутся западные мужчины, соблазняя комфортом; им же подай не роскошь - большую любовь. "После Америки возврата в Россию нет, - неожиданно подытожила она. - Здесь заряжаешься силой предпринимательства, она у нас еще редкость. Хочу открыть свой детский сад. Уже взяла лицензию. И я здесь нашла Бога. Через пастора. Он неженатый".

В дверях ее скромного дома возник русский политэмигрант Николай Борисенко. Горный инженер бежал с Чукотки, рассорившись с губернатором. "Я чудом остался жив, - признался мне Николай. - На Чукотке все воруют, от завскладом до губернатора. А я урод - честный. Вот и сижу здесь. Работал в золотой компании, теперь таксист. Хотите, поедем ночью на моем вэне?"

Ночь была бурной. В Номе пьют не хуже, чем в России. Эскимоски-алкоголички, как всякие пьяные женщины, навалили на заднем сиденье горы потерянных сережек, бус, презервативов. Когда Николай простаивал без дела, он крыл Ном не хуже Чукотки: "Знаете, на чем стоит Ном? На паразитстве! Федеральные власти разрешают эскимосам бить морских животных, во всем льготы. И те деградируют, дерутся, колются, домогаются малолетних дочерей - из политической корректности об этом не принято писать. А белые женятся на эскимосках - это все равно что жениться на кредитной карте!" Я вышел на рассвете из такси Николая, как отравленный. Есть черта у русских правдолюбцев - утопить мир в чернухе. Не зря Саша предпочитает Николаю неженатого пастора.

Кексовые острова

ЕСЛИ есть такой фантазм - развлечение со смертью, то спросите о нем у Эрика Пениталла. Бывшему летчику американских ВВС во Вьетнаме, молчаливому силачу не хватает одиночества в воздухе. На досуге он делает сани для собачьих упряжек и мчится тысячи миль один по полярной пустыне полярной ночью из Номы в Анкоридж. А по средам этот "человек-в-себе" связывает остров Малый Диомид с США. На малогрузном вертолете "Мессершмитт" я невольно принял участие в его фантазме. Взвившись над плешивыми холмами, вертолет взял курс на север и пошел над Беринговым проливом. За нас взялся ветер. Мы были компьютерной гонимой над айсбергами с запасом по одной жизни на каждого, двумя

человеческими игрушками с огромными наушниками. Во время полета я задал один вопрос:

- Как было на войне?

Он повернулся ко мне:

- Хорошо.

Через час на горизонте всплыли два испеченных кекса с белым верхом. Русский - продолговатый, американский - овальный. На подлете к кексовым островам, где в океане сошлись лоб в лоб сверхдержавы, я вдруг увидел, что это такое: неразделенное одиночество вдвоем.

На скалах американского острова ютились домики эскимосского поселка Иналик - прямо напротив русского НИЧТО. Мы прошли по центру узкого пролива, разделительной линии стран и дней, и сели на пятачке у воды, пугая чаек. На русском острове Эрик никогда не был. Я открыл дверь вертолета и буквально свалился на голову встречавшему меня Патрику Омиаку, который отрекомендовался как "президент" двухсот местных жителей.

Внучка, не бросайся какашками!

РЕАЛЬНОСТЬ делает шпагат, когда имеет дело с эскимосами. С одной стороны, Патрик Омиак был обычным эскимосом с гуттаперчевым лицом и американскими лозунгами: "Мой идеал - культура и свобода", - по-свойски объявил он, когда, разместившись у него в доме, мы наворачивали горячий куриный суп из пакета. С другой стороны, он был даже и не Патрик, а Тинарий, духовный вождь племени. В него вошли душа и имя умершего лидера чукотских эскимосов: "Его слепой сын на Чукотке ошупал меня и сказал: "Ты унаследовал даже тело моего отца: худенький!"

Пятилетняя внучка Тинария-Патрика, подсевшая к еде, перекрестилась и с минуту молилась христианскому богу. Иисус висел картинкой возле буфета с русским чайным сервизом. В доме царили идеальный комфорт ("Мы - часть великой Америки!" - говорили холодильник, телевизор, новейшая отопительная система) и свойственный эскимосскому жилью беспорядок: одежда, еда, простыни - все было перевернуто. Другая внучка, совсем еще маленькая, сидевшая на горшке, принялась обстреливать сестру какашками.

- Внучка! - крикнул президент острова. - Хватит бросаться какашками!

Та продолжала - президент отшлепал ее по рукам. Внучка ревела, из телевизора неслась пальба, звонил телефон, вбегали мальчишки, игравшие в прятки. Лица их были доисторические, похожие на широкие удивленные морды морских животных, шкуры которых висели по деревне для просушки. У мальчишек проступали странные физические дефекты глаз, ушей, зубов: казалось, им передались по наследству искореженные борьбой за существование лица предков. При этом это были истинные американцы в шортах, белых носках. На куртке одного из них крупно читалось: NO FEAR. Мальчишки носились друг за другом по всей деревне, по снегу и талой воде, но не со звонкими криками, а с шумным утробным дыханием, с мороженым в руках - для них наступил разгар лета. Парадокс, но им не могут найти здесь учителя эскимосского языка; они почти его не знают. Скоро они все вольются в общеамериканский котел и растворятся средним классом. В центре деревни на большой завалинке сидели пожилые эскимосы и смотрели, как застывшие статуи. Из окна виднелся русский остров. Патрик, заметив мой взгляд, усмехнулся. Он говорил с сильным эскимосским акцентом, бегло и неразборчиво, будто гонял во рту камни:

- Вот телефон. Я могу позвонить хоть в Австралию, но не на Большой остров. У нас даже нет "горячей линии". Там как-то раз солдат сорвался со скалы. Русские звонили на Камчатку, те - во Владивосток, те - в Анкоридж, те - в Ном, те - нам, через полмира! Мы послали лодку и вызвали Эрика - парня спасли. В

1989 г. был подписан договор о безвизовом режиме для эскимосов двух стран, на 16 000 человек. Но мы уже три года как не видим чукотских родственников - договор заморожен русской стороной... Зайдем в контору.

Он смутился. Оказалось, мне надо заплатить за посадку на острове \$100. Будь я эскимосом хотя бы на четверть - тогда бесплатно. Единственное место в США, где платят за въезд по этническому признаку. Кроме того, запрещалось фотографировать местных жителей. Но мне оказали великую честь: Патрик отвел меня в дом старейшины - по здешним патриархальным обычаям, Мойсес Миллигрок решает все местные конфликты. Его жена, в 1948 г. девочкой случайно оказавшись на Малом острове в день закрытия границы, осталась с отцом на американской стороне; мать - на советской. Улыбчивый и несловоболтливый старейшина вынул из большой коробки письма и открытки родственников с Чукотки: "Мы живем нормально... Мама умерла в прошлом году... Дядя Николай пропал на охоте..." Это были пропущенные через советскую мясорубку судьбы: эскимосов после 1948 года насильственно выселили с Большого Диомиды на материк.

В местной школе, она же гостиница, я встретил московского земляка, биолога Виктора З., приехавшего изучать птиц. У него было разрешение из Москвы на въезд на наш остров, и я стал уговаривать его съездить через пролив на родину. По словам Патрика, местное население нуждается в русском острове. На Малом Диомиде нет растительности, а там растут кусты с острыми листиками - те самые "овощи". "Ваш губернатор Назаров забаррикадировался! - вспыхнул Патрик. - Люди на таможне в Провидении - как звери, на всех бросаются, обыскивают. Пожилая американская туристка забыла внести в декларацию свои золотые сережки - ее повели на гинекологическое кресло. Туризм намеренно убивают. А недавно стоматологи в рамках международной помощи эскимосам привезли на Чукотку свое оборудование, чтобы бесплатно лечить людей. От них потребовали такую огромную пошлину, что они вылетели оттуда, как пробки". У эскимосов есть сказка о великане, который двигал горы, а потом всю зиму проспал. Весной пришли звери, любопытный медвежонок даже в ноздрю к великану забрался. Чихнул великан - звери разлетелись в стороны. Проснулся великан, встал, побрел. Долго смотрели ему вслед удивленные звери... "Это о вашей стране, - сказал Патрик. - Не надо туда ехать".

Родина - сон

Я НЕ ПОСЛУШАЛСЯ мудрого человека: поплыл в завтра. Мертвый остров проснулся. Нам преградила путь лодка юных солдат с чумными физиономиями: "Разрешение на въезд есть?" Биолог достал бумаги. "А у вас?" - "Я только на несколько часов. Вот мой российский паспорт". Они взяли паспорт и заставили пересечь в их лодку. Подплыв к берегу, мы стали карабкаться в гору. Запыхавшись, я увидел гарнизон - несколько низких построек. Издали они казались гостиницей, вблизи - скотным двором. "Нарушаете?" - спросил капитан, не здороваясь. - "Это зона с особым режимом". - "Не знал", - соврал я. Как только попадаешь в Россию, невольно начинаешь врать, чтобы легче жилось. Вранье - русский жизненный баланс, как шест акробата. Капитан пошел звонить по инстанции о "происшествии", оставив меня при двух солдатах. По двору их голые по пояс товарищи гоняли мяч под лай собак. Их всего-то на острове - 15 человек и две собаки. "С Петропавловском-Камчатским нет связи, - вернулся капитан. - Ждите". Я вынул свою книгу из куртки. Он сравнил фотографию на задней обложке с моим лицом. "Пошли". Мы оказались в пустой столовке с киноэкраном на стене. "Фильмы у нас только старые, про войну, - неожиданно пожаловался капитан, - но солдатам нравится". Солдат принес тарелку пельменей. Мы выпили водки. Я сказал, что хотел бы увидеть эскимосское кладбище и поселок, который вымер от голода в 1910 году... С лейтенантом, похожим на молодого Фиделя Кастро, я шел по тропинке, проваливаясь в снег. Кладбище с расшатанными деревянными крестами - цинга вечной мерзлоты. Было туманно, тоскливо. "Не говорите, что были здесь у меня, - сказал хозяин острова, возвращая паспорт. - Мало ли что". - "Будем считать, вы мне приснились. А чего не откроете остров? Американские эскимосы просили передать, что им негде собирать зеленые листочки". - "Обойдутся! Пусть лучше не рубят моржам головы на продажу клыков. Варварство! Плавают тут в проливе на красных от крови льдинах безголовые туши". На берегу меня ждал биолог: "Поехали назад в Америку! Там в школе тепло". Я вернулся в теплую реальность Америки.

Губернатор

РУССКИЙ переход от коммунизма к капитализму плодит монстров. Встретиться с губернатором Чукотки оказалось сложнее, чем прилететь из Москвы на Малый Диомид. Я ловил его несколько

месяцев, по телефону, через помощников, и никогда бы не встретился, если бы случайно не оказался с ним соседом по передаче на московской радиостанции. Коренастый, без шеи, он был надменным и неуверенным одновременно. Молодые дикторы за глаза называли его "бронетранспортером".

Когда кончилась передача, мы сели в баре. "Что же вы забаррикадировались, Александр Викторович? Почему свирепствует таможня?" - "Так американцы под видом туристов и врачей ездят к нам скупать кровь местного населения! Мы их ловим на границе со шприцами и пробирками!" По словам губернатора, американцы наживались на Чукотке. Пооткрывали магазины с жевательной резинкой. "А теперь у нас самих ее полно. Засылают миссионеров, отбирают у населения деньги и перекачивают в Америку".

Он напустил на себя свирепый вид. В Чукотском автономном округе, полном золота и нефти, который живет при Назарове на 60% за счет государственных дотаций, лучше грехи валить на Америку. Но раз так, почему, как говорят на Аляске, у губернатора есть недвижимость во Флориде и Калифорнии? "Какая недвижимость?! Клевета!" Чукотка выдавливает людей за свои пределы. Я вспомнил, как русская эскимоска Роза из поселка Чаплино, живущая теперь в Номе, с горечью рассказала мне, что при Назарове жизнь прекратилась: "Цены на вертолет стали астрономическими. Школы закрыли. Потом - поликлинику". Но если Камчатка и Сахалин, преодолевая трудности, ищут сотрудничества с США, Назаров по-советски упрямо выгораживает себя: "Я хотел построить в Анадыре международный аэропорт, чтобы качать деньги! Но военные не разрешили по стратегическим соображениям". Он затаил давнишнюю обиду на острова Диомиды. В 1989 году был совместный пробег на собачьих упряжках с Чукотки на Аляску. Между островами начертили оранжевую полосу границы по льду. Горбачев с Бушем прислали приветственные телеграммы. Русские прилетели на четырех вертолетах, откупили шампанское: за свободное передвижение! И что? Двое молодых журналистов из Москвы тут же сбежали. Делегация решила: замерзли. Стали искать - вместе с американцами. Не нашли. Окоченевшие, улетели домой. Наутро выяснилось американское "вранье": они с самого начала спрятали беглецов в темной комнате местной поликлиники. Праздник был сорван. "К черту нам эти унижения! - сказал губернатор. - Открыть границу, чтобы плодить беглецов, контрабандистов! Не при мне!" - "Теперь понятно, почему вас не любят на Аляске", - сказал я. Губернатор выпил залпом рюмку коньяка: "Ты что такое говоришь! - он заматюгался и затыкал: - Прежний губернатор Аляски был мой френд. А новый... Я прилетел в Анкоридж, он встретил меня в аэропорту, выпили кофе, он и говорит: "Мне пора ехать". Я развернулся и улетел. Зачем мне такое неуважение?" Речь зашла о расовых проблемах на Чукотке. "Они были. Я их решил. Это моя главная заслуга. Но с эскимосами непросто. Заносчивы, считают себя избранным народом. Американцы от них откупаются, а мы заставили их работать. Приезжай, посмотри наши рыболовецкие хозяйства! Образцовые!" Губернатор надел узкий плащ, застегнулся. Пуговицы торчали у него на груди, как ордена.

- А как же туннель через Берингов пролив?

- Ты знаешь фантазии Джима Стимпфла? Хороший мужик, но наивен, как все американцы. Туннель будет через 1000 лет... В общем, приезжай! - губернатор потрянул мне руку.

- Спасибо, не приеду, - приветливо ответил я.